

АЛЕКСЕЙ СИДОРОВ

ЗАРАЗА

16+

Алексей Вениаминович Сидоров

Зараза: Вторая волна

Серия «Зараза», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54886146

SelfPub; 2020

Аннотация

Анна Прокопенко вместе с дочками Катей и Машей выжили в кровавой бойне, устроенной «черными» в центре Кирова. Теперь у них одна цель – выбраться из города. Выжить. Но не все так просто – границы областного центра закрыты. На улицах новые хозяева мира ведут зачистку, истребляя как носителей вируса, так и тех, кто случайно попал в мясорубку. Вирус мутирует и набирает силу в ожидании второй волны, а в глубинах города зреет восстание, которое принесет с собой очередную волну насилия. Но не это самое страшное, что ждет Аню. Девочки, родные и единственные, уже продали души Создателям. И до финального падения в ад остался один шаг – достаточно легкого движения пальца на спусковом крючке. И он будет сделан...

Содержание

ПРОЛОГ. ТОЧКА НЕВОЗВРАТА	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЭВОЛЮЦИЯ	10
Глава 1. Планы меняются	10
Глава 2. Возвращение	26
Глава 3. Проверка	44
Глава 4. Бес внутри	62
Глава 5. Вторая волна	80
Конец ознакомительного фрагмента.	98

ПРОЛОГ. ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Этого не может быть!

Просто не может!

Нет!

Катя смотрит на мать, стоящую на коленях посреди темной кухни, и не может поверить – неужели все взаправду?!

Мамочка.

Родная!

Любимая!

На коленях.

«Что же мы наделали?» – думает Катя.

– Девочки, вы не должны это делать, – плачет мама. – Вы не должны так поступать. Это плохо, это неправильно, это...

Аня не может договорить, губы дрожат.

Катя смотрит сначала на маму потом на сестру – ствол в руках Маши дрогнул.

Но быстро выправился.

Она точно выстрелит!

Сто миллионов процентов «за» и ни одного против!

– Пожалуйста, девочки, родные, я вам помогу – мы вместе выберемся... из всего этого... Вместе выберемся, понимаете?! – шепчет мать. – Я вам помогу...

Кровь тонкой струйкой стекает по подбородку матери. Катя только сейчас осознает: это они с сестрой ее ранили.

Родную мамочку.

Почему?

Ответить сложно. Почти невозможно. Они, честно, пытались «просто приглядывать» за мамой.

Все, как договаривались.

Просто следить.

Но в один момент – страшный момент – все стало очень плохо.

Настолько, что потребовалось ружье.

– Пожалуйста! – мама тянет руки.

К Кате, не к обеим сестрам.

Аня знает, что девочка сомневается.

В отличие от Маши.

Та уверена, что все делает правильно.

Ведь так велел Создатель.

Что это за существо (точнее – существа, потому что их много) девочки до сих пор не знают. Понятно одно: именно Создатели создали людей такими, с двумя руками, двумя ногами и одним ртом. А не какой-то там Бог из сказок типа Библии. Нет, именно существа с других планет вдохнули в жизнь в людей.

И именно Создатели имели право распоряжаться жизнями *своих детей*.

«Они вместо папы и мамы» – сказала Маша, когда сестры вышли из подвала.

Тогда Катя кивнула, но сейчас она сомневается.

Смотрит на маму.

Реальную.

Настоящую.

Родную и любимую

Из глаз у той текут слезу, у дочки тоже.

Катя хочет броситься на шею матери, но не может. Знает: тогда все пойдет прахом. Они не смогут сделать то, что задумано.

То, что обязаны.

А еще – Маша разозлится.

В последнее время сестра была тем человеком, которого меньше всего хотелось злить. Маша очень изменилось за последние дни. Стала умнее, внимательнее, но при этом злее.

Стала совсем *другой*.

Стала напоминать «редактора» – злого мужчину, который пытался убить девочек в подвале «Алых парусов». Выкачать кровь сестер, чтобы сделать из нее коктейль, который освободит вирус от власти Создателя. Но у «редактора» не вышло – папа помог.

Но не только он.

Девочки договорились с Создателем. Он помог выбраться, но при этом дал кое-что взамен.

Разные суперспособности.

Катя не хотел признавать, но девочки обменяли на них папу.

Потому что он умер.

– Пожалуйста-а, девочки, это же я... – плачет мамочка.

Кате очень-очень жаль ее.

Еще секунда – и девочка бросится к Ане на шею.

Расцелует.

Скажет, что не хочет, чтобы все было так, как сейчас.

Хочет, чтобы все было как раньше.

Но сзади Маша.

Она отпихивает Катю в сторону.

Подносит ружье вплотную ко лбу матери.

Воздух застывает.

Тьма вокруг тоже.

– Пожалуйста, Маша, дорогая моя, ты не должна... – шепчет Аня. – Машенька, пожалуйста!

Руки матери связаны. До этого дочки вкололи ей то, что попросил Создатель.

То, что было в шприце.

Катя до сих пор не знает, что именно.

Но маму это сначала вырубил – долго спала.

Еле пришла в себя.

Казалась такой больной.

А теперь...

– Мы должны! Мы обязаны! – шепчет Маша.

Глаза у нее серые и холодные.

Катя видит, как напрягается палец на спусковом крючке. Легкое движение пальца – и голова матери исчезнет во вспышке. Станет кровавым фонтаном, который омоет кух-

ню.

И девочек.

– Не надо, пожалуйста, родненькие, я вам помогу. Я... –
Аня делает последнюю попытку.

Встает на колени.

– Не вставай! НЕ ВСТАВАЙ! – орет Маша.

Глаза уже не серые, а красные.

Как у твари в колодце.

– Нельзя вставать! – кричит Маша.

Аня не слушает – пытается подняться, но тут же падает.

Снова встает.

– Девочки мои, я не знаю, что эта тварь такое с вами сотворила... Как у нее это получилось, но вы должны знать: это все – ложь. Все, что вам сказали про меня. Это все неправда. Я всегда...

– Заткни-ись! – орет Маша. – Это все из-за тебя. Все-е!

Аня делает шаг к дочкам.

На улице звучит взрыв.

Крики.

– Девочки, я с ва... – Аня не договаривает.

Маша бьет ее прикладом.

– Не-е-ет! – кричит Катя, бросаясь к матери.

Та снова встает.

Кровь заливает глаза.

Огромный кровоподтек на лбу.

– Девочки-и! – шепчет Аня и тянет руки Кате, будто та

спасательный круг посреди бесконечного океана.

Девочка рады быть кругом – бросается к маме, но не успевает...

– Ты в этом виновата! – говорит Маша.

И нажимает на спусковой крючок...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЭВОЛЮЦИЯ

Глава 1. Планы меняются

Тремя днями ранее

– Мам, что это? – спросила Катя.

Голова кружилась, хотелось лечь.

Упасть на асфальт и проспать до завтра.

Просто чтобы прийти в себя.

Но даже такой возможности не было.

Нам надо найти способ добраться до Москвы, где у Артема осталась дочь и надежный друг, Володька Соколов. Он нам поможет. Выжить.

Рев нарастал.

Рев мотора.

Мотора?!

Когда дошло, что это именно звук работающего двигателя, то дергаться с улицы уже было бесполезно. Те, кто ехал в броневике, прекрасно нас видели.

Остался последний и единственный вариант.

– Девочки, бы-ыстро вперед! – скомандовала я.

На меня так не похоже – обычно в жизни я была белой и пушистой. Слабохарактерной.

Времена меняются.

Девочки, слава богу, не стали спрашивать, зачем да почему, сразу послушались.

– А теперь сыграем в игру, будто я взяла вас в плен. Если спросят о чем – просто молчите, хорошо?!

Девочки кивнули. Изображать немых куда лучше, чем бежать и прятаться. Сил на «прятки» уже не было. За последние сутки девочки так устали, что тоже валились с ног. Хотя держались – не канючили.

– Мам, они нам ничего плохого не сделают? – прошептала Катя.

– Цыц, дурында! Услышат – так сделают! – процедила Маша.

– Да, лучше помолчать, – согласилась Аня.

Машина быстро приближалась. Похоже, бронетранспортер «черных» – элитного отряда на службе тех, кто пытался установить Новый Мировой Порядок.

Но боевая машина явно не из тех, что участвовали в войне у «Алых парусов». Чистенькая, будто только с автомойки.

Видимо, прибыли на помощь «коллегам».

Броневик поравнялся с нами. Дверца открылась. Показался шлем «черного».

– Слава Мировому Порядку! – Поприветствовал незнакомец.

Я же старательно разглядывала выбоины в асфальте, стараясь, чтобы глаза были в тени. Только по ним можно понять, что я – не мужчина. Я ведь до сих пор не знала, служат

ли у «черных» женщины.

– Боец!?

– Слава. Мировому. Порядку! – отчеканила я, стараясь сделать голос как можно более мужественным. Даже понизила тембр.

Вышло не очень.

– Тебя изрядно потрепало, боец! Где твой отряд?

– Они... – я замялась, пытаюсь подобрать слова, потом просто махнула назад. – Они – там. Перегруппировываются.

– «Перегруппировываются»? Не мудрено! – ответил «шлем». – Слышал, у вас тут Инцидент произошел...

«Инцидент?! Вот как вы это называете?! Кровавая бойня с кучей трупов – просто Инцидент. Просто отлично!» – подумала я, но вслух сказала другое:

– Да, был Инцидент, но мы разобрались!

– А этих куда? – «черный кивнул» на девочек, которые не смели поднять глаз.

– На допрос. Важные свидетели!

– «Важные»? – «черный» смерил малышей взглядом. Хмыкнул. – По ним видно... А почему в обратную сторону идете?

«Действительно, почему? Об этом я как-то не подумала».

– Потому что... э-эм, потому что приехали спецы. Из центра. Они остановились там дальше... – опять махнула куда-то вперед. – Специально, чтобы открывать рты несговорчивым.

– «Несговорчивым»? Да они ж дети! – усмехнулся «черный».

«А не перегнула ли я планку?» – пронеслось в голове.

– Да, ладно шучу я! Враг сейчас маскируется под любого. Даже под детей! – заявил «черный».

На полном серьёзе.

– Это точно! – ответила я.

На секунду забылась – вышло пискляво. Для мужика.

– Что у тебя с голосом, боец? – насторожился «черный».

– Простыл.

Я даже покашляла чуток в перчатку для правдоподобия.

– Ты там не подхватил эту Заразу случаем, боец? А то заварушка у вас была – будь здоров!

– Нет, – быстро ответила я. – У меня есть тест. Вот!

Достала из рюкзака экспресс-тест на троновиррус. И только сейчас до меня дошло, что на самом деле я прибор даже не проверяла на себе. Но когда включила прибор, там мигал результат предыдущего теста:

«Не обнаружено!»

– Отлично, боец! А то сейчас время такое – никому нельзя доверять. – «Черный» понизил голос. – Даже себе, да?!

Палец непроизвольно лег на спусковой крючок.

– Да, расслабься ты, боец. А то напрягся весь... Пошутил я. Как проехать к отряду, я так и не понял?

Постаралась объяснить.

Дала им маршрут до ТЦ «Росинка» – последнего места,

где мы с Сашей («Боже, Сашенька, как мне тебя не хватает!») видели группировку «черных» в последний раз.

– Отлично! Не разминемся! И последний вопрос – как зовут тебя, боец. Хочу отблагодарить перед начальством. За-молвить словечко от капитана Каменщикова. Оно дорогого стоит. Дело такое – может, в баксах даже что перепадет, сам понимаешь.

– Артем, – выпалила я. – Артем Сухов.

«А вдруг сейчас попросят номер? Или что там, у военных, есть – кличка, позывной?»

Но номер не попросили.

Позывной тоже.

«Черный» козырнул и собирался закрыть дверцу.

Но тут я задала вопрос, который волновал больше всего:

– А что там дальше?

Вдалеке как раз слушалось гудение.

Крики.

Что-то говорили в мегафон, но не разобрать, что именно.

Как раз в той стороне, куда нам надо.

Где выезд из города.

– Там?! Да, ничего. Все по протоколу. Город закрывают. До выяснения последствий Инцидента мы здесь первая и последняя власть. Так что расслабься, боец, чувствуй себя как дома. Теперь это наш город на все сто процентов!

Я хотела еще расспросить «черного», но побоялась вызвать подозрение.

Поэтому просто кивнула:

– Слава Мировому Порядку.

Вышло почти как у «шлема».

– Слава! – ответил «черный».

Броневик тронулся.

А мы еще несколько минут делали вид, что идем к «спецам».

«Теперь это наш город на все сто процентов!»

Спина покрылась испариной.

Похоже, мы крупно встряли.

И снова в Кирове.

– Мам, мы не сможем попасть в Москву, да?! – спросила Катя.

Я не знала, что ответить, поэтому опустилась на колени и протянула руки к дочкам.

Девочки обняли меня, но Маша сделала это по-другому.

Не так, как раньше.

Как знакомого.

«Может, расскажем маме?» – «спросила» Катя.

«О чем?!» – «ответила» Маша.

И правда, о чем? Как можно объяснить словами то, что они с сестрой сделали. Девочки любили мультики про пони и «Леди Баг», где у главных героев были суперспособности.

Понятно, что они захотели себе такие же.

Кто же знал, что все так обернется.

Очень-очень плохо.

«Не время», – добавила Маша.

Серьезно сказала.

Как взрослая.

Злая взрослая.

Катя даже открыла рот. Она понимала, что Маша начал меняться не сейчас. И даже не в подвале. Намного раньше.

Еще до того, как от них ушел папа.

В ту ночь было...

«Нет, нельзя думать об этом! Слишком страшно! Лучше просто забыть и никогда-никогда не вспоминать!»

«Значит, не расскажем?!» – спросила Катя сестру

«Нет. Пока нет», – «ответила» Маша.

«Никогда», – поняла Катя.

Вздыхнула и поспешила следом за сестрой и мамой.

Что-то приближалось.

Что-то опасное.

Гораздо опаснее, чем все зараженные вместе взятые.

Ведь это шло изнутри.

И Катя ничего с этим не могла поделать.

Маша.

«Что случилось там, в подвале, такого, от чего она так сильно изменилась?! Вдруг тварь сотворила с ней нечто похуже, чем опыты с перекачкой крови».

Я отвлеклась на тревожные мысли, поэтому не сразу за-

метила движение на дороге.

Еще броневики.

– За угол! Быстро! – рывкнула я.

Мы резко свернули с Московской на Кирпичную...

... и практически уперлись в стаю зараженных.

Десятки.

Сотни.

Тысячи существ.

Они стояли, склонив головы, будто ожидая сигнала.

И вдруг все разом посмотрел на нас.

Девочки остановились. Катя завизжала.

Я быстро поняла, что шансов у нас нет – перестрелять всех не получится. Да и обращаться с ружьем толком не научилась – Саша старательно оберегал от всего, что касалось оружия.

«Как же мне тебя сейчас не хватает! Боже мой!» – пронеслось в голове.

Зараженные зарычали и бросились на нас.

Катя нырнула за спину, а вот Маша осталась на месте.

Подняла руку, растопырив пальцы.

Еще миг – и ее разорвут на части.

Раскромсают.

И косточек не останется.

– Маша-а! – закричала я.

Гудок.

Сзади.

Я чуть не подпрыгнула на месте. Благо, хватило толку в последний момент дернуть детей за собой – сработал материнский инстинкт.

И в этот момент улицу повернули броневики.

Они врезались в строй зараженных, пройдя через их ряды, словно нож сквозь подтаявшее масло.

Брызнула кровь.

Много крови.

Алый шторм.

И невыносимая вонь.

Броневики, не сбавляя скорости, пронеслись по улице.

Хрустели кости.

Трещала плоть.

Зараженные напоминали воздушные шарики, наполненные вместо водой кровью. Взрывались точно также.

– Поберегись! – раздался голос из микрофона. – Кто не спрятался – я не виноват!

Заработал пулемет.

Одного из зараженных, который до этого оказался вдавленным в столб, разнесло напополам. Останки с чавканьем сползли на асфальт.

– Да-а, ублюдки, подходите! – продолжал вещать голос. – Всех угостим!

А я поняла, что это не наше шоу – надо срочно уходить с улицы.

Сгрэбла детей в охапку и потащила к ближайшему подь-

езду.

– Быстрее, девочки! – поторапливала я. – Уходим! Пока им не до нас.

На спину брызнула кровь.

Как раз перед тем, как дверь за нами с грохотом закрылась.

– Нет-нет-нет! – продолжала шептать Маша, даже когда мы очутились в полной темноте.

Рванула назад.

К выходу.

Пришлось ее придержать.

– Нет! Куда-а?! – рявкнула я. – Тебя же убьют!

Девочка не сдавалась – пихнула в бок, так что я даже завалилась на стену.

– Они не могут так поступать! Это плохо! Плохо! Очень плохо! – пробормотала Маша.

И снова рванулась к двери.

Я попыталась задержать, но вышло неудачно – слишком тяжелая перчатка попала девочке прямо в живот.

Та охнула и осела.

Прямо во тьму.

– Маша-а! – я с ужасом поняла, что не вижу дочку. – Прости меня, пожалуйста! Я не хотела. Я только пыталась тебя остановить. Я только... Малыш, ты где?

– Она тут! – тихонько подала голос Катя.

Луч дарил ей в глаза – я врубил фонарик на ружье. Девочка зажмурилась.

– Ой, прости! Я такая неуклюжая. Вечно делаю всем больно...

Девочка отвела взгляд и показала на угол.

– Она там!

Маша сидела, подобрав ноги к груди и вжавшись в стену. Плечи подрагивали.

– Машенька, боже-е! – я бросилась к девочке.

Но та резко подняла голову, и, увидев ствол, направленный на нее, спросила:

– И что, убьешь меня?!

– Да нет же, Машенька, нет. Я бы никогда... Ты же знаешь...

Я присела рядом, положив винтовку на пол, попыталась коснуться лба дочери, чтобы пригладить волосы.

Но Маша вывернулась, вскочила на ноги и быстро зашагала по ступенькам вверх.

– Надо идти, – вдруг сказала она. – Это – там!

Будто напрочь забыла о зараженных.

О стрельбе.

– Что там?! – не поняла я.

Но Маша не ответила.

Повернулась и исчезла во тьме.

Я посмотрела на Катю, но та лишь развела плечами.

Мы поспешили вверх.

Я не сразу сообразила, почему в подъезде так темно. Окна были завалены мешками и заставлены ломаной мебелью.

«Но кто это сделал и зачем?» – мелькнула мысль в голове.

И сразу пропала.

Маша на пятом этаже – встала у двери с цифрой «20».

– Здесь! – прошептала она.

– Что «здесь»?

Девочка будто впервые увидела дверь.

– Что «здесь», Маша? – снова переспросила я.

– Я... я не знаю... – ответила дочка уже совершенном другим голосом.

Насмерть перепуганным.

– Как это ты не знаешь? Ты ведь сюда бежала, а мы – за тобой! – ответила я. А сама в это время разглядывала дверь.

Серая.

Железная.

Ничем от других не отличается.

Ну, хоть кровоподтеков нет – и то хорошо!

– Значит, не знаешь, зачем мы сюда пришли?! – спросила я.

Маша кивнула.

– Тогда, может, и не стоит входить, – сказала я. – Бережного бог бережет, как говорится. Давайте спустимся ниже и поищем убежище получше. Может, даже в подвал сходим...

Я не договорила.

Скрип за спиной.

– Это что за?.. – выдохнула я.

Дверь в квартиру была открыта.

– М-мам, кто там? – прошептала Катя.

«Откуда мне знать?! Но надо успокоить девочек».

– Не знаю, но, если что, у меня есть ружье.

Не знаю, успокоило ли это дочек, но меня трясло.

– Я зайду, гляну, что там, а вы постоите здесь, хорошо?!

Если что – даже если я буду кричать – вы сразу бегите. Меня не ждите, договорились?!

– Мам, не надо! – прошептала Катя.

«Может, она и права», – подумала я.

Но эта дверь явилась из кошмаров, которые я старалась забыть. Тогда она меня чуть не сломала. И в прямом, и в переносном смысле.

«Сейчас я должна войти!»

Уверена.

– Не бойся, солнышко! – я погладила девочку по голове и толкнула дверь.

«Боже, это скрип и мертвецов поднимет».

Звук был долгий и протяжный.

Наконец он кончился.

Тишина.

Луч фонаря высветил обычную для среднестатистического кировского обывателя обстановку: пластиковая плитка на

потолке, дешевые обои в цветочек, воняющий резиной и кошачьей мочой линолеум.

– Ч-черт! – ругнулась я.

Луч уперся в зеркало.

А ведь я чуть не выстрелила!

Остановилась, разглядывая, в какого уродца превратилась.

Темные мешки под глазами.

Лицо в запекшейся крови. И моей и не моей.

Волосы слиплись.

Только глаза блестели. И то – по-волчьи.

«Ну, привет, звереныш!» – подумала я.

Но улыбка тут же исчезла.

В соседней комнате скрипнул пол.

«Мне страшно», – «сказала» Катя.

«Мне тоже», – «ответила» Маша.

«Неправда. Тебе нисколько не страшно, потому что ты...

ты...» -

Катя не знала, как продолжить. Поэтому тихонько заплакала.

Маша обняла сестру, похлопала по спине:

«Я, правда, не знаю...»

«Тогда как... как мы сюда пришли? Зачем?»

Маша вздохнула:

«Я не знаю...»

«Правда-правда? Ты ведь не дуришь меня?»

«Нет, конечно, дурында ты эдакая. Мы же сестры, и мы должны друг другу помогать. И – доверять!» – «сказала» Маша.

Опять как взрослая.

Она никогда так раньше не говорила.

Никогда!

Но больше Машу испугало другое – она поняла, что не слышит одного очень-очень важного звука.

Стука сердца сестры.

Я прислушалась.

Звук больше не повторялся.

«А что если там зараженный?»

«Тогда просто выстрели в него – и дело с концом. У тебя же ружье!»

«Так себе аргумент».

Предохранитель снят.

Вроде должно стрелять.

«Вроде, но будет ли? Я же не пробовала».

Межкомнатная дверь.

Со стеклом.

Только через него все равно ничего не видно – с обратной стороны зеркальная пленка.

Придется рискнуть.

Я перекрестилась и толкнула дверь.

Никто не выскочил из-за угла и не кинулся на меня, пытаясь разорвать зубами шею.

Но это еще ничего не значит – вдруг монстр затаился. Стоит себе тихонько за дверью, ждет, когда я войду, чтобы напасть.

Вдохнула-выдохнула, собираясь с духом.

Но раздался голос.

Спокойный, но надтреснутый.

– Может, уже зайдешь?! Сколько можно ошиваться на пороге?

Палец на спусковом крючке напрягся.

Сердце бешено ухало в груди.

– Да знаю я, что ты там. Давно уж тут сижу, жду тебя. А ты и не торопишься...

«Ждет?! Он меня ждет?! Кто это вообще?»

Любопытство пересилило, поэтому я выскочила из-за угла.

Нацелила винтовку на мужчину.

Широкополая шляпа.

Блестящие в темноте глаза.

Нога на ногу.

Угловатые скулы прожевывали каждое слово:

– Ну, здравствуй, Анна. Вот и свиделись, как видишь!

Глава 2. Возвращение

– Ты?!

– Я надеялся немного на другой прием, конечно. Типа «Привет, папочка, как же я рада тебя видеть!». Что-нибудь в этом роде.

– Ты нас бросил. – Отрезала я.

– Все еще помнишь?!

– Разве такое забудешь?! – я опустила ружье.

Мне нужно было отдышаться.

Стены заплясали перед глазами.

Захотелось сесть.

– Что, плохо?! – спросил мужчина, которого я не видела уже больше двух десятков лет.

– Все в порядке, – ответила я.

Сам же оперлась о стену.

Подняла руку, чтобы хрен-с-горы не смел даже дергаться, пока я не приду в себя.

Но мужчина и не думал вставать:

– Значит, не рада?

– Ты нас бросил, – повторила я.

– Так вышло, – ответил мужчина, которого я когда-то считала отцом.

Сейчас же он был призраком, явившимся из прошлого .

Не более того.

– Как ты меня?..

– Что? Нашел? – спросил мужчина.

Я сглотнула и кивнула одновременно.

– Ты знаешь, это – надолго. А у меня сейчас не так-то много времени. Мне надо, чтобы ты прямо сейчас пошла со мной.

– Куда?

– В одно надежное место.

Мужчина вдруг встал, поправил шляпу на голове. И только сейчас я увидела, что у него еще и кобура на поясе – длинная, будто для револьвера.

Сраный ковбой.

Он всегда любил фильмы про Дикий Запад. Даже когда бухал и засыпал под телик. Наверное, во сне воображал себя мачо, который несется через прерии, по пути убивает индейцев и трахает симпатичных фермерш.

– Я никуда с тобой не пойду.

– Ты не понимаешь. *Тебе тоже надо туда*, – настаивал «призрак».

– Никуда мне не надо.

– Знаю, что надо. Потому что *только там ты сможешь защитить своих дочерей*. Или может, мне лучше называть их внучками?

«Боже, девочки!» – я будто только сейчас вспомнила, что дочери остались в коридоре.

– Не смей их трогать, слышишь?!

– Трогать?! Да я и не собирался их трогать. Я вообще-то надеялся, что вы пойдете со мной по собственной воле.

– Никуда я с тобой не пойду!

Подняла ружье, нацелила на мужчину.

– Ну-ну, не нервничай, – папашка смягчил тон. – Только там, куда мы отправимся, вы сможете спрятаться от ада, творящегося на улицах.

С улицы как раз доносились крики и стрельба.

– Мы уж лучше сами... – ответила я.

– Просто позволь мне вам помочь! – Мужчина сделал шаг.

– Стой. Мать твою. Где. Стоишь! – я нацелила ружье в лоб мужчине.

Тот лишь улыбнулся:

– И что ты сделаешь, застрелишь отца?

– Если потребуется... – процедила я.

Перед глазами встала картина вечера, когда отец ушел.

Вот он, взяв ключи от машины, стоит в коридоре. Мама спрашивает, куда он направляется. Тот отвечает, что «выиграл в лотерею» и «надо срочно обналичить». Мать спрашивает, где он это будет делать в такой час – на часах уже почти десять вечера. Отец отвечает, что «знает места». На прощанье он поворачивается ко мне и произносит: «Еще свидимся»

Я никак не представляла, что это произойдет только через двадцать три года.

Мужчина снова прожевал каждое слово:

– Боюсь, я тебе не позволю.

– Что ты не позволишь?

– Уйти, – ответил мужчина.

С меня хватит!

Палец на спусковом крючке напрягся.

Я прекрасно понимала, что могу выстрелить.

Более того – хочу этого. Этот человек, кем бы он ни был в прошлой жизни, сейчас нес в себе опасность для девочек.

Потому что дочери были...

...за спиной.

– Мам, кто это? – тихонько спросила Катя.

Я медлила.

– Ну, давай, расскажи им, кто я такой. – Мужчина снова сел в кресло, заложил руки за голову.

– Девочки, это...

Но продолжить не могла. Сказать, что «это мой отец», значит принять его в семью.

В наш круг.

Но этот человек давно его покинул. И не думал возвращаться все эти годы.

– Ну-у, – протянул мужчина.

– Это ваш дальний родственник...

– «Дальний»?! – отец улыбнулся.

Улыбка вышла хищной.

– Это дедушка! – воскликнула Маша и бросилась к муж-

чине. Тот протянул руки к девочке – и она взлетела к нему на колени.

– Ну-ну, сла-аденькая моя... Дедушка уже здесь. И больше никуда вас не отпустит.

«Не отпустит?! Да что он себе позволяет?!» – подумала я.

Снова вскинула ружье.

– И что ты сделаешь? Застрелишь вместе с ребенком? – улыбнулся мужчина.

Нет, конечно.

– Ч-черт! – ругнулась я и опустила ружье.

– То-то же... – сказал мужчина. – А теперь ты, Катя... иди сюда! Иди к деду!

«Откуда он знает, как зовут девочек?! Он же столько лет нас не видел».

– Не слушай его! – сказала я дочке.

Катя не знала, куда деть взгляд.

– Не компостируй мозги ребенку! Неужели она не может обнять деда?!

– Не может! – процедила я.

И, наконец, решилась.

– Маша, иди сюда! – скомандовала я. – Быстро!

Девочка вопросительно посмотрела на деда. Тот пожал плечами – мол, решай сама.

Девочка, нехотя, слезла с колен и виновато потрусилась к нам. Встала рядом, сложив руки на груди и глядя в сторону.

– А теперь – мы уходим! – сказала я. – Девочки, за мной!

– Боюсь, что я не дам тебе того сделать! – Предупредил мужчина.

– Да, и что ты сделаешь?! Только попробуй подняться из своей люльки – я размажу твои мозги по стенам!

– О-о-о, как грозно! – ответил мужчина. – Но ты не в том положении, чтобы диктовать условия.

– Пошел ты! – Ответила я.

Повернулась назад и обомлела – на меня смотрели сразу два ствола. В комнату зашел мужчина с автоматом Калашникова, за ним женщина

Еще мужчина – уже три ствола.

И еще.

Их было с десятков в коридоре.

Одеты не по-военному и без противогазов.

– Я же сказал, что не позволю. Разве я когда-нибудь разбрасывался обещаниями? – улыбнулся мужчина.

Сверкнули зубы.

«Еще свидимся» – пообещал он двадцать три года назад.

И сдержал обещание.

«Кто это?» – «спросила» Катя.

«Дедушка. Ты разве не слышала?!»

«Да, но откуда ты узнала?»

«Я всегда это знала. Он обещал вернуться – и он пришел».

Маша улыбалась.

Только вот улыбка была ни разу не милой.

Так в сказке улыбался Волк перед тем, как напасть на Красную шапочку.

Капитан Виталий Каменщиков осматривал жалкие остатки отряда.

Хорошо же их потрепало – скафандры в крови и вмятинах.

– И где полковник? – спросил он выстроившихся по струнке «черных».

– Он погиб, сэр! – ответил тот, что крайний справа.

По-американски ответил.

Впрочем, так сейчас было принято. Каменщиков уже смирился с тем, что правила игры – особенно после ухода из разведки – стремительно менялись. И манера отдавать честь – тоже.

– Погиб?! Как это произошло?

«Черный» рассказывал ровно три минуты и двадцать секунд, старясь впихнуть в доклад только факты.

Но все равно вышло сумбурно.

– Вы хотите сказать, что один предатель смог проделать все это с вами? – спросил Каменщиков.

– Он был не один, – ответил подчиненный.

– Не один?!

– На их стороне была армия зараженных, сэр. А еще... – тут «черный» замялся.

– Кто еще?

– Не знаю, важно ли это...

– Сейчас все важно, боец! Кто был с предателем?

– Мы видели женщину и девочку. Они были с Суховым,

когда он...

Опять замялся.

– Что там случилось, боец?

– Они разговаривали с тварями, будто те их понимали. И отдали им артефакт.

– Отдали артефакт?!

– Так точно, сэр!

– И вы им это позволили?

– Мы... – «черный» кашлянул. – Мы не знали... пришлось срочно перегруппироваться. Полковник погиб, и мы...

– Облажались! – закончил за него Каменщиков.

И улыбнулся.

Еще недавно все было очень плохо – зараженные нанесли урон отряду по неизвестным причинам, и ему надо было разгребать чужое гавно. А сейчас у капитана была возможность выгодно подать себя перед начальством.

Преподнести им на блюдечке пособников предателя Сухова.

«Это просто шикарно, боец», – решил капитан, но вслух сказал:

– И у вас есть шанс это исправить, бойцы. Слушай мою команду...

– Кто это? – спросила я.

Меня окружила разношерстная команда, вооруженная кто чем: автомат, обрез, пистолеты, а некоторые и вовсе с бейсбольными битами. Одеты тоже, как попало: одни выглядели как уличные хулиганы, другие как байкеры, а ближайшая дамочка напоминала школьную учительницу. В очках и костюме, но зато с пистолетом.

– Это?! – отец встал с кресла. Развел руки. – Это все – люди нового уклада. Революционеры, я бы так сказал...

– Какие еще революционеры? – не поняла я.

– Ну-у, ты разве не видишь, что вокруг происходит. *Власть пытается поставить всех нас под контроль.* Ублюдки решили, что подмяли под себя весь мир, могут заражать, кого хотят. Творить что попало. Но – не выйдет! Мы – не марионетки.

«Фигня какая-то! – подумала я. – Не может быть, чтобы эти вот люди могли оказать серьезное сопротивление «черным».

– Ты хочешь сказать, что вы против Нового Мирового Порядка?

«На хрень сморозила еще большую хрень», – решила я, но отец согласно кивнул:

– А ты догадливая! Всегда такой была!

Сделал шаг ближе.

Я подняла ружье, но тут же раздался хор щелчков.

Предохранители.

– Лучше не дергайся! – предупредил отец. – Ради твоей же безопасности!

– И что, убьешь меня вместе с внуками?

Мужчина в шляпе несколько секунд смотрел на меня рыбьими глазами, а потом расхохотался.

– Вот как ты заговорила. Значит, все-таки «с внуками»?!

Я уже «стопицот раз» пожалела, что произнесла эти слова.

– Положи ружье, Анна. Только осторожно!

Огляделась – сразу несколько стволов смотрело мне в лицо.

Но не только.

Моим детям тоже.

– Да чтоб тебя! – сказала я и бросила ружье на пол.

И тут в подъезде раздались крики.

Капитан Каменщиков только-только закончил сеанс связи с начальством. Указания были четки: закрыть город, зачистить от зараженных, с гражданскими «действовать по ситуации».

По сути, карт-бланш на все, что угодно.

Это значительно облегчало задачу. Потому что иногда трудно было разобраться, где обычные гражданские, а где свежие зараженные.

Всех не проверишь.

Проще пристрелить, а потом разбираться.

– Этим и займемся, – проговорил он вслух.

Выключил планшет.

Откинулся на спинку кресла в командирском броневике.

«Мы видели женщину и девочек. Они были с Суховым...»

– вспомнил капитан слова подчиненного.

Суховым.

Женщина и девочки.

«Какой же я идиот! Я же видел их там, на Московской-топали к выходу из города

Каменщиков резко вскочил, едва не трахнувшись о потолок.

И тут услышал отдаленную стрельбу.

– Что происходит? – спросил он адъютанта, дежурившего у машины.

– Только что доложили: наша группа на Кирпичной вышла на группу гражданских с оружием.

– А с ними есть человек в нашем костюме? Возможно, женщина.

Адъютант замолк.

– А дети? Девочки там есть?

– Не знаю. Пока только про гражданских с оружием доложились. Мы блокировали их в доме.

– Троицу, если увидят, взять живьем! – приказал Каменщиков. – Я – на место. До моего приезда человека в скафандре не убивать. И девок тоже. Хочу сначала с ними «побеседовать».

«Артем Сухов» – так она представилась.

«Она что, решила переиграть его, капитана Каменщикова?! Слишком много на себя берет!»

«Ну что же, горечь разочарования будет еще сильнее, когда он заставит ее мучаться. Когда он...»

А дальше – масса вариантов. На любой вкус.

В городе, где больше нет другой власти, кроме него, капитан мог быть царем и богом.

Мог карать и миловать.

Но – карать чаще.

– Выдвигаемся! – скомандовал Каменщиков.

Через минуту они уже направлялись к Кирпичной.

Крики и стрельба в подъезде.

– Они здесь! – произнес один из мужчин.

– Кто «они»? – спросила я.

– Те же, кто и всегда! – ответил отец. Он подошел к нам с девочками и, несмотря на стрельбу, прошептал: – А теперь – смириться!

«Что «смириться»? С чем «смириться»?» – не успела я подумать, как нам на голову надели мешки.

Толкнули к выходу.

– Выходим! – скомандовал «отец».

Дальше – стук ботинок по кафелю коридора.

Чавканье.

Запах меди и серы.

– Сколько их там? – спросил отец.

– Было семеро, двух шлепнули почти тут, у дверей. Они вызвали подмогу – сам слышал.

– Расчистите нам выход!

Ответа не последовало, но раз уж мы двинулись вниз, я поняла, что неизвестный собеседник отправился выполнять указания отца.

– Куда?.. Куда мы идем? – спросила я.

Катя плакала, Маша молчала.

– Куда обещал, – ответил отец.

Перед выходом он выстрелил

Громко.

Чуть барабанные перепонки не порвались.

Потом я услышала крики и стрельбу – и поняла, что мы на улице.

– С-сука! – раздался голос.

Кто-то напал на отца

Возня.

Рычание.

Сдавленный стон.

Самое хреновое, что я знала, что делать: руки связаны, глаза закрыты.

– Девочки? Где вы?

– Тут! – ответила Катя.

Маша промолчала.

– Сестра!!! Где сестра? – спросила я.

– Она тут, со мной.

– Боже, Маша! Почему молчишь?! Надо отзываться, когда мама зовет... А где?.. – даже сейчас я не хотела говорить «дедушка».

– Кто? Я?! – Раздался довольный голос над ухом. Человек, пахнувший кровью. – Я тут, красавица! Пришлось чуток повозиться, не все, понимаешь, хотят, чтобы мы спокойно уехали в закат.

Отец поволок нас в сторону.

Потом впихнула в машину.

Девочки повалились сверху.

Закряхтели.

Грудь сдавило.

– Звиняйте, не до комфорта сейчас. – Сказал отец.

И завел машину.

Желудок вжался в один бок, потом – в другой.

Машина резко рванула с места.

– Вот же, ублюдки! – произнес отец, когда раздался взрыв.

За ним застрочил пулемет.

Машину тряхнуло.

Но отец быстро выровнял руль.

Звуки бойни потихоньку оставались позади.

– А как же твои революционеры? – спросила я, когда мы остановились.

Вопрос прозвучал слишком уж громко в оглушающей ти-

шине.

– Ты что, их бросил, да?

Отец не отвечал.

Вышел из машин, хлопнув дверью,

«Может зря я так? Вдруг он нас тут бросит?! Утопает по своим делам, а нас оставит в машине? Все же он нам никто сейчас...»

Но дверь открылась.

Крепкие руки рванули на улицу.

Поставили на ноги.

– Найдутся еще, – процедил отец. – А те, что остались, даст бог, погибли смертью храбрых. Во имя революции, вес дела.

– Ну вот, наконец-то тебя можно узнать. Ты и раньше такой был – ни с кем не считался. На всех плевать! Поэтому мы и страдали с мамой...

Отец не ответил.

Поставил девочек на ноги.

Катя взяла меня за руки. Она еле слышно плакала.

– Маша?! – позвала я.

– Она со мной! – сказал отец.

– Маша! – настаивала я.

– Сказал же – со мной она. Давно дедушку не видел ребенок, – ответил мужчина.

Я хотела возразить, что она и сейчас его не видит – мы же до сих пор в мешках!

Но мужчина уже толкнул в плечо:

– Топаем! Нам надо убираться с улицы.

– Куда мы идем? – спросила я.

– Узнаешь, когда придем.

Скрип двери.

Клацанье замка.

И вроде даже засов.

Даже в скафандре воздух стал еще более спертый – мы спускались в подземелья.

– И что, это все? – спросил Каменщиков, когда перед ним выстроили семерых гражданских.

Остальных его люди положили в подъезде. Похоже, у них там было что-то типа оперативного штаба. Или перевалочной базы. В подъезде обустроены бойницы.

При этом на обычных мародеров не похожи – слишком уж рожки интеллигентные.

– И чем мы тут занимаемся? – спросил капитан.

Никто не ответил.

– И что за тип в шляпе увез женщину в скафандре и девочек, вы, я так понимаю, тоже не знаете?

Ответом было молчание.

– Отлично! Так и думал! – ответил Каменщиков. – Ту телку в очках оставляйте. Остальных – в расход!

Виталий Каменщиков отвернулся, подставив лицо ветерку. В это время за спиной прозвучало ровно шесть выстрелов.

ЛОВ.

Капитан сплюнул на асфальт, повернулся к женщине. Она что-то бормотала, раскачиваясь на коленях.

– А вот с тобой мы и потолкуем. В штабе. В машину ее, живо! И наберите уже Беса – скажите, есть для него работенка. Чтоб не задерживался там у меня!

Каменщиков сел в броневик. Он уже отправил разведку прочесать Московскую вдоль и поперек.

Черный минивэн с надписью «Родина» – весьма приметная машина. И он не сомневался, что тачку быстро найдут.

А еще эта сучка в очках – Бес ее быстро разговорит.

Так что найдутся беглецы, никуда не денутся.

Счет шел на часы.

И то – максимум!

– Куда мы идем? – снова спросила я.

– Потерпи, почти пришли.

Мы уже с полчаса топали сначала по лестницам, потом по бетону, затем по железным перекрытиям.

Периодически отец открывал двери.

Вот и сейчас мы остановились.

– Пароль! – спросил незнакомый голос.

– Че Гевара, – ответил отец.

Впереди скрипнула и с грохотом открылась массивная, судя по звуку, дверь.

– Ну вот, я же говорил, что стоит подождать. Теперь мо-

жешь и смотреть! – произнес отец.

И сдернул мешок с головы

Свет был рассеянный, поэтому глаза не заслезились.

Зато отвисла челюсть.

– Боже мой! – произнесла я.

Глава 3. Проверка

– Что это за место?

– Ну, пока я тебе всего рассказать не могу, – острые скулы отца двигались как механические детали. Да и сам он напоминал киборга, явившегося, судя по шляпе, не из будущего, а из прошлого. Плохого киборга. – Скажу лишь, что раньше здесь были какие-то склады. Вроде овощи хранились. А потом помещения долгое время были заброшены. Сдавались только прилегающие территории – шиномонтажки всякие, прием цветмета, гробы с венками еще продавали,

Отец сделал паузу.

– Ты же понимаешь, я тебе говорю это только потому, что знаю: ты ни за что не догадаешься, где мы находимся.

Тут он прав. Я думала, что мы где-то на юго-западе города. Но где именно – без понятия.

– Вижу по выражению лица, что прав.

– Это что, лагерь? – спросила я, разглядывая помещение.

Мы стояли на бетонном балкончике. Практически под крышей.

Под нами был длинный бетонный ангар, в котором запросто могло поместиться пара небольших самолетов. Посреди него – палаточный городок. В центре – большая палатка цвета хаки. Вокруг нее – туристические палатки поменьше, самых разных калибров и расцветок.

По окружности лагерь обнесен неким подобием частокола – наваренные из рельс «ежи», похожие на противотанковые, но с намеренно острыми краями. Типа чтобы зараженные натыкались, да?!

Плюс мешки с песком.

Патрули у частокола и на балконах.

К нам подскочила девушка. На голове бандана с черепами. Ногти покрашены черным лаком. Глаза подведены так, будто у нее хронические фингалы. Да еще и выпучены, словно она увидела любовницу бойфренда.

– Вернулись?! – с ходу спросила она отца.

– Да, вернулись, как видишь! – мужчина повернулся ко мне. – Знакомьтесь – это Света. Она моя... ну, в общем, правая рука.

Если бы взглядом можно было испепелять, отец бы уже горел как пионерский костер.

– Света?! – переспросила я.

Не хотелось говорить, но так звали маму.

Которую он бросил!

Которая умерла от рака через полгода после того, как он ушел «за выигрышем».

– Да, Света, – отец потупил взгляд. – А это, – он показал на меня, – моя дочь Анна, а это внучки – Катя и Маша...

У Светы аж рот открылся.

– Ну, ладно... Не время сейчас об этом, – оборвал паузу отец. – Давай лучше провожу вас в лагерь. Вы ведь хотите

есть:?) – спросил он, обращаясь к девочкам.

Естественно, те хотели.

– Так и думал, – улыбнулся он, стараясь не замечать взгляда Светы.

– Ты... – шикнула я на отца, когда тот проходил мимо.

– Так вышло, – бросил он, смущенно улыбувшись.

Я еще не представляла, в какой гадюшник попала.

Вблизи лагерь, если не принимать в расчет «ежи» и мешки, вполне мог сойти за туристический кемпинг. Боже, там даже дети были. Бегали себе между палаток, играя в войнушку.

Но – необычную.

На современный лад.

– Зараженные! – кричал мальчишка.

И все дружно убегали.

– «Черные»! – кричал другой.

И толпа малолеток убегала, но уже в другую сторону.

При этом палили друг в друга из пластикового оружия.

До самого лагеря мы не дошли.

– Нам придется разделиться! – сказал вдруг отец. Лицо его мгновенно нахмурилось. – Света, возьми детей!

Та посмотрела на девочек, будто это были младшеклассники, за которыми ее обязали наблюдать, предварительно выдернув с концерта любимой группы.

– Пойдем! – сказала «правая рука» отца, потащив детей

за собой.

И даже не спросив меня!

– Н-нет! – прошептала я, чуть не задохнувшись от подобной наглости.

Рванула за дочками, но путь преградили двое мужчин, которые схватили меня и потащили совсем в другую сторону.

К блестящему вагончику, стоявшему в углу ангара.

– Девочки-и! Пожалуйста! – пыталась кричать я, не сообщая, что происходит.

– Не дергайся, это просто проверка, – сказал отец. – *Стандартная процедура. Для всех.*

Но у меня забрали детей – я не могла не «дергаться»!

Вывернулась, стукнув пяткой одного из охранников. Тот взвыл, согнулся.

Тогда второй двинул меня в грудь.

Легкие обожгло огнем.

– Потише ты! – предупредил отец.

«Тоже мне благодетель!»

– Девочки-и! – закричала я, но их уже увели.

Даже не видно в толпе

А мужчины тем временем скрутили руки и впихнули в вагон. Там стояли еще двое, уже в бактериологических костюмах,

– Подверженная? – спросил ближайший.

– Надо проверить, – ответил отец. – По стандартной схеме.

И закрыл за мной дверь.

Послышалось шипение.

Катя рванулась за мамой, но женщина, которая назвалась Светой, крепко вцепилась в руку.

Рванула на себя так, что у девочки заболело плечо.

– Пусти меня! – потребовала Катя.

Света ничего на это не сказала. Но при этом молчала и Маша. Шла с женщиной словно ничего и не произошло.

«МАША!» – позвала Катя

Нет ответа.

«Маша, пожа-алуйста! Мы... мамочка – там, ее...»

Катя задыхалась, мысли пытались.

«Дедушка все сделает правильно», – вдруг «ответила»

Маша.

И на ее лице появилась все та же, волчья улыбка.

Раздели.

Бросили в железную комнату.

Я стучала в дверь, но без толку.

Сбоку зеркало – во всю ширину стены.

Наверняка они там, наблюдают, твари!

И урод, который называл себя моим отцом, наверняка тоже.

«Как он мог, зараза?! Как он мог?! Я же уже почти поверила ему...»

– Чтоб ты сдох! – закричала я и ударила по зеркалу.

Костяшки вспыхнули огнем.

– Ч-черт! – я заскулила, прижимая больную руку и одновременно прикрывая голую грудь. На мне были только трусики. Остальное пришлось снять еще там, у «Алых парусов». Перед тем, как залезть в костюм Артема.

Пистолет!

На полу.

Прямо посреди комнаты.

Я рванулась к оружию, схватила пистолети направил в сторону злополучного зеркала.

– Что, нравится смотреть на чужие страдания, да?! – спросила я. – Ср-раный ковбой!

Я уже почти выстрелила, как вдруг за спиной скрипнула дверь.

По комнате эхом прокатилось рычание.

Дед нагнал Свету с девочками уже в самом лагере.

– А мама где? – спросила Катя.

Лицо все в слезах.

Мужчина остановился перед ней, встал на колени и обнял.

От куртки деда пахло как от коробки со спичками.

– С ней ничего не случится. Обещаю. Ну-у... – дедушка помедлил. – Если она незараженная, конечно. Но в этом я сомневаюсь, так что все будет хо-ро-шо!

– То есть ты бросил ее в Гараж? – спросила Света.

«Гараж?! Что еще за Гараж? – пронеслось в голове у Кате. – И почему они говорят, что маму туда «бросили»?! Она что, дворняжка какая-то?!»

Дед не ответил, вместо этого снова обратился к Кате:

– Она пройдет проверку и вернется к нам. Это необходимо, все ее проходят, – сказал он, посмотрев на Свету.

Та отвела глаза.

– Все проходят... – повторил дедушка. – Посмотри на Машу – видишь, как она спокойна?!

Катя сглотнула – это-то то ее и пугало.

Пахнуло кровью и экскрементами.

Зараженный.

Он появился в дверях, осматривая стерильную комнату. Втянул воздух – и сразу посмотрела на меня.

Тварь зарычала.

Я на секунду забыла, где нахожусь. Надо было срочно стрелять, но руки превратились в безвольные сосиски. Ноги стали ватными, а легкие сперло – не вдохнуть.

И да, я все еще прикрывала грудь. Не знаю, может, ступор был вызван именно тем, что я оказалась в подобной ситуации обнаженной.

Беззащитной.

«Нет, не беззащитной. У тебя же пистолет!»

Трясущимися руками я подняла оружие.

Попыталась прицелиться.

Мушка ходила туда-сюда.

Зрение никак не могло сфокусироваться.

Зараженный приближался.

Он поднял руки и открыл рот, полный остатков желтых зубов. Они были сломаны, остались только острые обломки.

«Ими-то он меня и раздерет!»

«Нет, не смей так думать! У тебя же девочки!!! Кто о них позаботится, если ты умрешь? Ты подумала об этом?!»

Я нажала на курок, когда зараженный был уже в полуметре от меня.

Но ничего не произошло!

Совсем!

Тварь сбила с ног, повалив на пол.

Пистолет отлетел в сторону.

И только тогда до меня дошло – я забыла снять предохранитель!

Зараженный клацнул зубами в паре сантиметров от носа.

«Боже, у меня чуть нос не съели!» – эта мысль, как ни странно, придала сил.

Я ударила зараженного по яйцам – на ноги хлынули потроха.

Он порвался в области паха, как воздушный шарик.

Тварь рухнула грудь – не продохнуть.

Зубы сомкнулись на шее.

Тварь зарычала и резким движением рванула на себя.

Я почувствовала, как струйка чего-то горячего потекла по

шее.

«Боже, это же моя кровь!»

Тварь мотнула головой, заглотив кусок кожи, как крокодил.

Но при этом чуть потеряла равновесие, что дало шанс – с силой толкнула зараженного в сторону, а сама быстро-быстро поползла в сторону пистолета.

«Вот он, уже совсем рядом!»

Рука метнулась за оружием.

Но тварь была быстрее – схватила за лодыжку.

Потащила назад.

Все дальше и дальше от оружия.

– Аа-а! – заорала я.

Пнула тварь.

Раз.

Второй!

Третий!!!

Нога каждый раз входила все глубже в морду зараженного, будто та была из пластилина. В последний раз я с чавканьем вытащила ногу из головы твари.

Но монстр был все еще жив.

Я перекатилась в сторону, когда зараженный прыгнул.

Локтем на бетон.

Хрустнула кость.

Я рванула к пистолету.

«Девочки, они не должны остаться сиротами. Особенно –

рядом с таким дедом».

Я зарычала и схватила оружие.

Щелкнула предохранителем.

Резко развернулась – и увидела перед собой обломки зубов. Пасть зараженного раскрылась слишком широко для существа, которое еще недавно было человеком.

– Р-р-ра-а-а! – зарычала я.

И нажала на курок.

Голова твари взорвалась, покрыв кусками черепа и осколками мозгов слишком уж чистую комнату.

Труп зараженного упал на меня, снова выбив воздух из легких.

– Да чтобы тебя! – я отпихнула труп в сторону.

Задышала.

Закашлялась.

Дальше уже просто лежала, переводя дыхание.

Сил не осталось.

А все это время за мной наблюдали.

Ждали.

Но чего?

Через час я это узнала.

Наконец-то оставили одну.

Маша ушла с дедом.

Причем, не сказала, куда. У нее теперь были секретки от сестры, чего раньше никогда не было.

Катя просто не могла держать в себе тайны. Рассказывала сестре даже о тайниках – например, про набор разноцветных камешков в старой маминой шкатулке.

Но теперь все изменилось.

Маше было не до нее.

Тете Свете тоже – та оставила девочку в палатке и ушла. А перед этим строго зыркнула глазами, пригрозив: «Сиди тут! А то – жопу надеру!».

Как будто она имела право драть жопу!

Как будто она была матерью!

«Фигушки! Никакая она не мать. Просто незнакомая тетька!»

Настоящую мамочку заперли где-то возле лагеря.

Катя твердо решила, что найдет ее.

Прямо сейчас.

И пусть они сами себе «жопы дерут»!

Девочка отогнула полог палатки и увидела прямо перед собой мальчика. Лицо в веснушках, грязные волосы торчком.

Парень навел игрушечный пистолет и сказал:

– Пуф-ф!

А потом заржал и убежал.

«Вот и ладно! С такими хулиганами играть точно не стоит. Мама всегда так говорила... Мамочка!»

«Не до игр сейчас!»

Между палатками было людно, но на Катю никто не обра-

щал внимание. Детей здесь было предостаточно. Мальчишки и девчонки возились в тряпье, если не играли в войнушку. Разбирали пакеты с едой, принесенной сверху.

Катя подозревала, что с ворованной едой – магазины же не работают! Мама бы такое не одобрила.

«Мамочка, где же ты?» – подумала Катя.

Сердце защемило.

Вдруг сзади раздался голос тети Светы:

– Ты это куда собралась?

«Туда!» – решила Катя.

А дальше она уже бежала.

Лишь бы подальше от надоедливой тетки.

К мамочке!

Я с трудом приходила в себя.

Голова жутко болела.

А еще – шея.

«Боже! Меня же укусили!» – дошло до меня.

Полог палатки

Уже не в стерильной комнате.

– Очнулась?! – произнес знакомый голос.

Существо, которое считало себя моим отцом, теперь насмеялось надо мной.

– Твар-р-рь! – прошипела я.

Дернулась.

Но не вышло – руки были привязаны к медицинским но-

силкам. Видимо, их сняли со «скорой».

– Ну-ну, не кипишуй, – прошептал отец.

Я пока различала только силуэт в шляпе на фоне горячей лампы.

– «Не кипишуй»?! Ты это так называешь? Да ты бросил меня там на... – дыхание сперло, – на..

– На что?! – спросил отец.

– Это ты мне ответь: для чего ты это сделал, *зараза*? Я же считала тебя отцом... когда-то. Я же почти поверила, что ты... ты сможешь помочь... что ты...

– Я и так смогу помочь.

– Да что ты говоришь?! Ты оставил меня на съедение твари.

– *Не на съедение, а на проверку*, – уточнил отец.

Присел на стул рядом с кушеткой.

Мне хотелось придушить гада здесь и сейчас.

– Ну-ну, не дергайся. Еще какое-то время – исключительно для твоей же безопасности и безопасности окружающих – мы подержим тебя связанной, а потом, когда поймем, что ты не представляешь опасности...

– «Не представлю опасности»?! Еще как представляю, мать твою! Только отпусти меня – и я выдавлю твои мерзкие глазенки! Я уже жалею что ты не сдох, когда вышел тогда «за выигрышем». Жаль, что тебя не сбила машина!

– О, как! Но ты знаешь, я тебя ведь не осуждаю...

– Типа одолжение мне делаешь, да?

– Нет, просто понимаю, что ты чувствуешь сейчас.

Я еще сильнее сжала зубы.

До скрежета.

– Ты ни хрена не понимаешь! – ответила я. – Эта тварь, она меня...

– Она тебя спасла! – продолжил отец, улыбнувшись.

– «Спасла»?!

– Только так мы могли удостовериться, что ты не одна из них. *Что ты не подвержена вирусу.* На тебе ведь сейчас нет костюма, разве не заметила?!

– Да, блин, заметила – с меня его на хрен сняли. Раздели. Там, в этом гадюшнике вашем. А потом запустили туда тварь, чтобы она меня сожрала.

– Не сожрала – проверила. – Уточнил отец.

– «Проверила»?!

– Да, на троновирус. И теперь мы знаем – ты не заразна! В тебе нет вируса, так что ты *не опасна для окружающих.* Для девочек.

– Девочки? Где они?

– Чуть позже ты с ними увидишься.

– Чуть позже?! Что ты с ними сделал?

– Ничего! Они сыты и в безопасности. В лагере им ничего не грозит – это главное.

«А за пределами?» – мелькнуло в голове.

– Что ты от меня хочешь? – спросила я и застонала.

Рана на шее не просто болела, а ныла.

– От тебя?! – отец вздохнул. Видно было, что дальнейшие слова ему дались с трудом:

– Я хотел извиниться.

Я засмеялась.

Долго протяжно.

Нервно.

– Да пошел ты в жопу со своими извинениями! – сказала я. – Мог бы просто проверить меня тестом, который, кстати, все это время был со мной. Со мной, слышишь ты, ублюдок?! Его мне дал один из этих, «черных». Экспресс-система – проверка на троновиррус.

– Мы им не доверяем, – ответил отец.

Я замолкла – он просто добивал меня волнами бреда.

– Чему вы, блин, не доверяете? Почему?

Меня трясло.

– Потому что они – от «черных», захватчиков. Ты сама ответила на свой вопрос, – сказал отец.

«Как же блин, у него все просто и складно получается! Интересно, у всех маньяков так или это гад единственный и неповторимый?!»

– Один в жопу! – процедила я.

И отвернулась.

– Хорошо, я зайду попозже, – сказал отец.

Тут в палатку вошел еще один человек.

Они зашептались.

И я услышал всего одно слово: «Катя».

Мне было этого достаточно – обернулась. Рядом с отцом – эта дура Света.

Глаза широко открыты.

Морда испуганная.

– Что с ней? Что с Катей? – чуть ли не взревела я. – Что с моей дочкой?

– Ничего страшного, не переживай. Мы ее найдем, – ответил отец.

– Не переживай?! Она что, пропала? Она пропала? Ответь мне, с-сука!

Отец повернулся к выходу:

– Отдыхай пока. Об остальном я позабочусь.

– Тва-ар-рь! – заорал я вдогонку. – Чтобы ты сгорел в аду со своей заботой!

Но отец меня не слушал.

А чуть позже явился человек, который вколол мне что-то, от чего кричать хотелось все меньше и меньше.

Постепенно глаза закрывались, как бы я тому не сопротивлялась.

Лагерь уже давно кончился, а Катя все шла и шла вперед.

Сначала она увидела перед собой постройку, напоминавшую ту, куда увели маму. Потом попала в тоннель, который был прямо за дверью. \

И прошла по нему несколько поворотов.

А потом еще и еще.

Пока не поняла, что заблудилась.

– Мама-а! – закричала Катя.

Крик эхом разнесся по переходу.

– Ма-ама, мне страшно, пожалуйста-а!

Никто не ответил.

А эхо еще несколько секунд гуляло по перекрытиям.

Пусть уж эта страшная Света вернется.

Или дед, который оказался не таким хорошим, каким должен быть. Нормальный дедушка так бы не поступил с мамой – не стал бы забирать ее у ребенка.

Катя прошла еще несколько метров, когда решила присесть. Ноги сильно устали.

И тут девочка услышала лязганье.

Будто ударили молотком по рельсе.

А потом еще и еще.

– Кто здесь? – спросила Катя.

Никто не ответил.

Зато звуки приближались.

Дзиньк!

Дзиньк!!

Дзиньк!!!

«Это шаги такие, – догадалась девочка. – Кто-то приближается»

– К-кто там? – прошептала она.

Катя уже развернулась, чтобы бежать, но было поздно – последний «дзиньк» прозвучал совсем рядом

Прямо за спиной.

Ноздри чужака втянули воздух.

Ледяное дыхание на шее.

– К-кто здес-сь? – успела прошептать девочка перед тем,
как незнакомец схватил ее.

И поволок в темноту.

Крик девочки разнесся по коридорам.

Но помочь было некому.

Глава 4. Бес внутри

Время шло, а Беса все не было.

Каменщиков прохаживался туда-сюда по полу, выложенному белым кафелем.

Отличное помещение для допросной.

Койки с наручниками, медицинский инструменты и даже странного вида аппарат для откачки крови.

Была некая ирония судьбы в том, что он решил сделать штаб в подвале «Алых парусов» – здания, которое раньше занимал противник. Зараженные и их главарь – бородач в плаще. Его тело пришлось, правда, вытащить и сжечь. Как и женщины в костюме медсестры – она была вон у той стены. Чем они тут оба занимались – непонятно. Но атмосфера, которую они после себя оставили, капитану в целом нравилась.

Мрачная.

Гнетущая.

Идеальная для допросов.

«Подземелья ужаса» – так можно было бы назвать это место».

«Если бы еще Бес не задерживался, чтоб его!»

– Где он там? – спросил Виталий Каменщиков у адъютанта. – Не прибыл еще?

– Нет, он... – подчиненный замялся.

– Что он?

– Он не выходит на связь, сэр.

– Что значит, не выходит? Как давно?

– После того, как проехал КПП на объездной.

– То есть ты хочешь сказать, что он миновал Заслон, но до штаба так и не доехал?

Адъютант кивнул.

– И что все это значит?! – спросил Каменщиков.

Впрочем, вопрос был риторическим.

Зубы сжались.

Кулаки тоже.

Глаза – узкие щелки.

– Во-он! – гаркнул капитан в лицо подчиненному, потом повернулся к двум охранникам, стоявшим у дверей: – Все вон!

«Черные» вытянулись по струнке, но по-прежнему не сходя с места.

– Я не ясно сказал?! Все вон, мать вашу! Сам допрошу!

Подчиненные поспешили на выход.

– И дверь закройте с той стороны, бездари! – гаркнул напоследок Каменщиков.

Дверь лязгнула.

– То-то же... – буркнул капитан, закатывая рукава.

Подвал обработали специальным дезинфекционным составом, поставили гермодвери на входе, поэтому внутри Каменщиков работал без скафандра.

Никакого сраного вируса!

Кроме него самого.

Каменщиков повернулся к женщине, лежавшей на кушетке.

Руки и ноги пристегнуты наручниками к железным поручням.

Во рту – кляп.

Ветошь, валявшаяся здесь же, в помещение, отлично для этого пригодилась.

По щекам женщины стекали слезы, но это лишь раздражало Каменщикова.

– А не хрен было с нами в игры играть! – прошептал он.

Облизнулся.

Схватил женщину за подбородок.

– А теперь ты ответишь на мои вопросы, так ведь?! – спросил он. – Сейчас я достану тряпку – и ты мне быстренько все расскажешь, хорошо?

Женщина закрыла глаза.

Пыталась плакать беззвучно.

– Это типа «нет»?! Типа «нет»?! – взревел Каменщикова.

Ударил женщину по лицу.

Хрустнуло.

– Тварь! – Буркнул «черный».

Размял костяшки.

«Похоже, клиент проблемный. Ну что же, тем интересней. На хрен Беса! Сам справлюсь!», – решил капитан.

Константин Соловьёв посмотрел на Свету.

Та даже глаз не отвела – вот же упрямая дура!

Черт дернул доверить внучек вчерашней студентке. Константин всегда был падок на молоденьких девушек. Даже когда женился на матери Ани (теперь уже Прокопенко), даже тогда водил с ними шашни. Ну а что, если молодые нимфетки сами липли к нему, будто пчелы на мед. В ожидании пятерки в зачетке, а, может, потому что он внушал доверие возрастом и умом. Обладал харизмой. Да и в целом, выглядел на десяток лет моложе, благодаря тому, что занимался фитнесом и растяжкой.

Вот и в лагере Константин завел себе такую же – очередного ребенка-переростка. Нимфетку, к которой, правда, по закону уже можно было трахаться. И никто бы не обвинил в педофилии – девчужке было ровно восемнадцать. Исполнилось месяц назад – и не подкопаешься.

– Как ты... посмела ее оставить? – Константин схватил Свету за локоть.

Сжал.

– Как официально! А как же наше «Светочка, давай устроим переменуку» там, в палатке – все, да?! Кончилась любовь, завяли помидоры?

Константин хмыкнул. В его жизни бабы все время доставляли проблемы. Собственно, поэтому в свое время он ушел от жены.

Но – не только поэтому.

Совсем не поэтому.

– Нет, не значит... ничего не значит, ноты должна была за ней смотреть...

– Должна? Кому? Ты мне кто, папочка?!

Константин сильнее сжал локоть, так что кожа покраснела.

И неожиданно... Света заплакала.

Густо намазанные тушью «фингалы» поплыли.

И глава лагеря понял, что перегнул. Все же когда ему снова понадобится минет, надо чтобы девушка была в форме.

А не чертовой размазней, как сейчас.

Так и не встанет, гляди, а это сейчас уже было некоторой проблемой.

В его-то возрасте.

– Хорошо, я немного того, – у Константина аж скулы свело. – *Я перегнул малость. Прости меня!*

– У тебя плохо получается извиняться...

– Как уж есть, – ответил Константин. – Так что там произошло? Куда она побежала?

– К краю лагеря.

– С какой стороны.

– С противоположной, ну, от Гаража.

У Константина все внутри похолодело,

– И ты, зная, кто там у нас, отпустила ее? Проворонила?!

Он уже забыл про минеты.

Снова сжал локоть.

– Собирай народ! Мне нужны минимум три человека с оружием. Одному туда соваться опасно. Сама знаешь, кто у нас там, в тоннеле.

Света вырвала локоть, потеряла руку.

– С чего ты взял вообще, что она пошла туда?!

– Она пошла туда, – процедил Константин.

Света хотел просить, откуда он знает, но по выражению лица мужчины догадалась, что сейчас лучше не спорить. Да и для сексуального шантажа тоже не время.

Ушла за подкреплением.

Константин достал револьвер и проверил барабан.

Все патроны на месте.

«Завел же проблему», – подумал хозяин лагеря и пошел к восточному краю лагеря.

Туда, где бес вырвался на волю.

Сорок минут впустую!

Женщина молчала.

Ни в какую.

Каменщиков уже пробовал все, даже вставлять сучке лезвие под ногти – та стонала, лила слезы, но так ничего не сказала.

Ничегошеньки!

Как зомби, чесслово.

Сранные фанатики.

Даже в Чечне было легче – приходилось работать с тамошними «языками». Так они и то лучше «шли на контакт», чем эта похожая на школьную училку сука.

– Шлюха-а! – закричал жертве в лицо капитан. – Почему ты молчишь?! Ради чего или кого?! Ради этого типа в шляпе?! Он тебе вообще кто? Муж, брат, сват? Трахальщик? Я же могу тебя здесь грохнуть – и никто, мать твою, никто не спросит с меня!!! Потому что с меня нет спроса! *Мы здесь власть! Мы!!!*

Женщина молча отвернулась.

– Тварь! – заревел Каменщиков и ударил кулаком в стену.

Костяшки вспыхнули огнем.

– Шлюха! – снова заорал капитан.

Потом резко замолчал.

«Да, шлюха... Действительно», – подумал он.

Капитан хмыкнул, вытер случайно вылетевшую из рта слюну.

Улыбнулся.

– Ну, ладно. Сама напросилась! – сказал «черный». -Раз не хочешь по хорошему, то будет по-плохому. Но – весело!

Женщина была привязана руками и ногами к кушетке, поэтому капитан без труда задрал юбку.

Провел рукой по низу животу и, дойдя до лобка, остановился, почувствовал под руками хлопок трусиков.

– А вот на это ты явно не рассчитывала. Тук-тук! – похлопал Каменщиков по лобку. – Кто там? Это мышка-норушка,

лягушка-квакушка – и кто там еще?! А я... а я Волчок – Серый Торчок, во!

Капитан захохотал, потянув на себя трусики женщины.
Те треснули, но не поддались сходу.

Каменщиков рыкнул, порвав узкую полоску ткани.
– *Серый Торчок*, хех, – ухмыльнулся он.

Пришло время этому городу отдать часть долга, который они ему задолжали. За те полдня, что он здесь провел.

Причем – просто так!

Впустую.

– Это только начало, – подумал Каменщиков, расстегивая брюки.

Залез на кушетку.

Женщины прошептала: -

– Не надо... Пожалуйста!

– Поздно, милая, – ухмыльнулся Каменщиков. – Раньше надо было говорить. А теперь я не настроен на разговоры, уж прости! Теперь – только так!

И капитан заткнул рот женщине кляпом.

А дальше было воздаяние.

Быстрое, стремительное.

Звериное.

В финале Каменщиков уже смеялся в голос.

«Да, ради этого точно стоило приезжать в Киров. Отличный, мать его, городишко! Приветливые жители! Встречают с хлебом и солью, раздвинув ноги. Все бы так, хех».

И только тут капитан заметил, что все это время давил на горло женщине.

Лицо покраснело.

Глаза вылезли из орбит.

Не дышит.

Каменщиков хмыкнул, посмотрел на руки, будто только что увидел, обтер несуществующую грязь о костюм, а потом неторопливо слез с трупа.

«И когда она успела сдохнуть, интересно?! – подумал он. – Неужели «до» финала?! Или прямо во время него?!»

Этот вопрос занимал капитана весь оставшийся день.

Я на пустыре, про который говорил Саша.

Грязь, ржавый забор по периметру, а посреди – провал бетонного колодца.

Мне – туда.

Без понятия, откуда я это знаю, но девочки – там.

Их забрала тварь.

Я бегу к колодцу, но ноги вязнут в глине.

Постепенно все глубже и глубже.

Меня засасывает.

Как в болото.

«Не хватало еще утонуть здесь, захлебнуться в жиже», – думаю я, но на удивление, как-то спокойно.

Буднично.

Типа болото – да и подумаешь?!

Но при этом я уже проваливаюсь по колено.

Дальнейшие шаги даются с трудом, а когда грязь доходит до пояса, то я останавливаюсь.

Дальше не могу.

«Но там же девочки. Я должна до них добраться!» – думаю я.

Рычу.

Рвусь вперед, собрав все силы.

Задыхаясь, вываливаюсь на грязь, как тюлень

И ползу по ней на животе.

«Да, так намного легче. Я должна добраться, обязана!»

Край колодца.

Настолько близко и неожиданно, что инерция несет меня вперед. Я чуть не падаю в провал.

В последний момент останавливаюсь, хватаясь за край колодца.

Оттуда несет смрадом.

Будто в провал несколько лет скидывали трупы.

И мне надо разглядеть там девочек. Спрыгнуть вниз я не могу. Саша говорил, что для того, чтобы туда попасть, придется умереть – он так и сделал, чтобы помочь дочкам.

Но я обязана выжить, ради девочек. Иначе – у них никого не останется.

Должны быть другие способы вытащить Катю и Машу.

«Может, какая-нибудь верёвка?! Или палка?! Вдруг сгодятся?»

Но под рукой ничего нет!

– Девочки-и! – кричу я.

Но когда оборачиваюсь к провалу, морда страшного существа уже передо мной.

Шесть глаз твари смотрят в упор.

Изучают.

Но я ее не боюсь!

Плюю в мерзкую харю.

– Отстань от них, слышишь ты, урод? Слышишь?! – кричу я.

Тварь едва слышно хрипит.

Видоизменяется.

Вместо гнусной морды внеземного существа появляется лицо Маши.

«Девочка» улыбается и говорит:

– Дедушка все сделает правильно!

Я кричу и просыпаюсь...

– Все здесь?! – спросил Константин Соловьев, оглядев мужчин с оружием.

Андрей, Егор и Борис.

Все с автоматами «Калашникова».

Автоматов пока было всего три на базу.

Но ничего, скоро времена изменятся. И у них будет куда больше оружия, чем сейчас.

Сколько нужно.

Для той задачи, которую они должны выполнить.

Константин кивнул на вход в тоннель:

– Отлично! Тогда двинем, но перед этим пара моментов.

Во-первых, стрелять только по крайней необходимости. В особенности это касается девочки. Кто заденет – не жилец! –

Константин пока так и не сказал им, что речь идет о внучке. «Пока не время, пусть сначала все устаканится» – решил он. – Во вторых, пленника тоже не убивать. Я уверен, что он важен... – Пауза. – Он нам еще пригодится для того, что мы будем делать.

Все согласно кивнули.

Даже не задали вопросов – просто отлично.

Зато вопрос был у хозяина лагеря:

– Насколько длинная цепь?

– Метра три! – ответил Андрей, парень под два метра ростом.

– И зачем вы такую надели?

Парень, улыбаясь, оглядел остальных мужчин. Те его не поддержали, поэтому быстро снова нахмурился.

– Чтобы он мог достать до трубы. Там – вода. Иначе – сдохнет от жажды.

– Заботливые какие... – хмыкнул Константин, потом вспомнил, что сам же и приказал так сделать. – Отлично, заходим. Учитывайте длину цепи, а еще то, что наш пленник – мастер откручивать людям головы.

«И с ним Катя! Моя внучка!»

Губы Константина сжались.

Надо было срочно решать проблему.

Группа вошла в тоннель.

Каменщиков сидел на стуле у входа в допросную и курил, когда нарисовался адъютант.

– Сэр, с вами все в порядке? – спросил подчиненный.

Капитан дернулся, будто его застукали за чем-то неприличным. Но быстро взял себя в руки.

– Там надо убрать! – Виталий Каменщиков махнул рукой в сторону открытой двери.

Адъютант заглянул внутрь:

– Боже-е!

Каменщиков махнул рукой.

– Бывает! Попытка к бегству. Хотела придушить меня, сука такая. Но – не вышло.

Адъютант хотел было возразить, но вовремя опомнился.

Промычал что-то.

– Что?! Не слышу! – рявкнул Каменщиков.

Капитан поднялся.

Адъютант сразу втянул голову в плечи:

– Я... там это...

– Что, блин? Хватить уже сопли жевать, как девка. Докладывай!

– Бес так и не вышел на связь, – отчеканил адъютант.

– Тоже мне хорошие вести, – съязвил капитан.

Хрустнул костяшками.

Адъютант еще больше втянул голову.

Как черепаха в панцирь.

– Н-но мы засекли его трекер, – попытался реабилитироваться подчиненный.

– Что засекли?

– Трекер. Вшит под кожу.

– Вшит?!

– Да, Москва передала номер – мы отследили.

– И что, где он?

– На Юго-западе. И не двигается.

– В смысле «не двигается»?

– В том плане, что он уже сутки находится там. На одном месте.

– Сутки?! Какого хрена происходит вообще?

Адъютант еще больше поник.

Ниже плинтуса.

– Я не знаю, сэр. Только то, что показывает датчик.

– То есть он здесь раньше нас?

– Похоже на то... – ответил адъютант.

– А почему тогда не двигается?

– Я не знаю, сэр!

– Ч-черт! – буркнул Каменщиков. – Только этого не хватало. Ладно, давай координаты. Съезжу, проверю лично. А ты – пока убери тут... ну, по-тихому!

Капитан кивнул на открытую дверь.

Лицо адъютанта мгновенно посерело.

– Пуф-ф! – произнесла фигура с пистолетом.

А я-то думала: в меня действительно выстрелят.

Хотя фигура маленькая.

Мальчик!

Морда чумазая, волосы торчком, в руках – игрушечный пистолет.

Малец, улубнувшись, заткнул оружие за пояс:

– Здравствуйте!

– Привет! – ответила я.

Огляделась – все в той же палатке, что и раньше.

Лазарет.

– Меня Рома зовут, – сказал мальчик.

– Очень п-приятно Рома, – ответила я, хотя мне было ни разу ни приятно.

Больно и противно.

Но парень тут не причем.

– Я вам помогу! – сказал Роман и вложил что-то в руку.

Острое как...

...бритва.

– Кто тебе ее дал? – я подняла голову.

Но парня уже и след простыл.

– Что еще за игры? – пробормотала я.

А потом сообразила, что пока не время это выяснять. Надо было срочно выбираться.

Искать девочек.

Я потянулась к запястью, стараясь достать бритвой до веревок, которыми был привязана к кушетке.

Группа двигалась медленно.

– Скоро уже? – спросил Константин у Андрея.

Парень нахмурился, огляделся по сторонам.

– По идее мы уже пришли, – сказал он.

– Что значит, по идее?!

– Он должен быть здесь.

– И где же он?

Дзиньк!

Движение в темноте.

–А-а-а! – это Бориса кто-то утащил во тьму.

Хрип.

Клокотание.

Очередь.

Пули прошли над головой, а у Константина едва шляпу не сдуло.

– Ч-черт! – ругнулся глава лагеря, когда парни начали стрелять в ответ.

В темноту.

– Не стрелять, мать вашу. Я же говорил, не стрелять!

Борис застыл, открыв рот:

– Что?!

И тут его голову снесло очередью.

Кровь брызнула в глаза.

– Назад! – закричал Константин, вытирая веки. – Отходим. У него автомат.

Но отходить было некому – Андрей, заклокотав, упал под ноги. Из шеи бурными потоками лилась кровь,

Лязганье цепи.

То ли человек, то ли сам дьявол приближался из темноты.

– Не советую стрелять! – спросил бывший пленник. – Предлагаю договориться. Мне от тебя кое-что надо. И ты даже знаешь, что.

Константин закусил губу.

Но пистолет опустил.

– И ты отпустишь внучку? – спросил мужчина.

– Даю слово.

– И почему я должен тебе верить?!

– Ты сам знаешь, чего стоит мое слово там, наверху, не так ли?! Так почему оно должно быть другим здесь, под землей?!

– Да, *Бес!* – слова дались Константину с трудом. – Думаю, мы сможем договориться...

– И что за хрень здесь происходит? – спросил Каменщиков у одного из «черных».

Тот лишь показал ружьем на останки крысы.

– И что у нас тут? – капитан пнул трупик.

Из того вывалился трекер.

Замигал красным огоньком.

А планшет в руках Виталия Каменщикова показал, что перед ним Бес. Собственной, мать его, персоной.

– Думаю, он не хотел, чтобы его обнаружили, сэр, – заметил подчиненный.

И он был чертовски прав!

Бес провел капитана, оставив трекер на Ипподроме. Просто засунул датчик в пасть грызуну.

– Какого, мать твою, хрена?! Какого хрена?! – взревел Каменщиков.

Подчиненные расступились – никто не хотел схлопотать лишний раз по морде.

– Живо найти его, мать вашу. И дайте мне уже полное досье по этому уроду. Прямо сейчас!

К проблеме с пособниками Сухова добавился еще один геморрой, имя которому Бес.

Глава 5. Вторая волна

В любой момент мог кто-нибудь явиться.

Например, отец.

Его счастье, кстати, что он не зашел прямо сейчас, когда я уже освободила одно запястье. Иначе – перерезала бы упырю глотку.

«Как он мог так поступит со мной? С девочками? Как?!»

Просто в голове не укладывалось.

Да, когда отец жил с нами, то мог запросто ударить маму. Напиться вдрызг и нашлепать меня за любую провинность. А иногда и просто так. Гулял направо и налево. Но сейчас он перешел все границы – бросил родную дочь на растерзание твари. Типа для проверки. А еще – доверил внучку вчерашнему ребенку, за которой самой нужен глаз да глаз.

«Уладит он, как же... Жди ветра в поле!»

Я уже освободила второе запястье, когда у палатки раздались шаги.

Кто-то подошел.

Встал у самого выхода.

Я замерла, стараясь не дышать.

Но сердце упрямо ухало в груди.

Ноги постояли еще несколько секунд, а потом двинулись дальше.

Я снова смогла дышать.

Захрипела.

Надо было перерезать веревки и на ногах тоже, но дотянуться до щиколоток было сложнее, чем произвести манипуляции бритвой. Все тело болело.

– Ч-черт! – прохрипела я.

Еще и голова раскалывалась – что они мне дали?! Снотворное, транквилизатор?! А, может, то и другое?!

Ноги свободны!

«Наконец-то!» – обрадовалась я.

И бухнулась на пол.

Реально упала мешком.

А потом начала извиваться как червяк, когда у входа снова послышались шаги.

Поползла под кушетку.

Едва успела спрятать ноги, как незнакомец заглянул в палатку.

– Вот ч-черт! Она сбежала-а! – заорал мужской голос.

Похоже, тот же мужик, который меня обкалывал.

Я доползла до края палатки и полоснула по пологу бритвой.

Ткань не поддавалась.

Пришлось резать еще и еще,

Наконец-то подходящая дыра!

Но напоследок требовалось сделать кое-что еще.

Отвлекающий маневр.

Я метнулась к тумбочке, на которой стояла керосиновая

лампа.

И сбросила ее на пол.

Вспыхнуло пламя.

Я улыбалась, когда выползала из палатки: «Как тебе такой сюрприз, папаша?!»

Константин вышел из тоннеля злым.

Сходу внучку не освободил, только взял на себя дополнительные обязательства.

Скверные обязательства.

Можно было, конечно же, собрать народ, вооружиться как следует и заявиться в тоннель. Врубить свет – и выковырять засевшую там заразу. Но связываться с «деревенщиной» из лагеря себе дороже – те с перепугу могут вальнуть не только Беса, но и Катю.

Да и сам Бес не зря оставил девочку в заложниках – убьет в случае угрозы.

Константин этого позволить не мог.

Как бы он не относился к дочке, но внучки ему были дороже.

Как родные.

«Странное чувство, – думал Константин, учитывая, что он девчонок до этого видел только на фотографиях. И даже снимки, и те ему дал Бес. – Ох, уж этот Бес. Сколько с ним проблем!»

Хоть и на цепи, но все равно опасен.

А учитывая те тайны, которые «пленник» знает про главу лагеря, то *смертельно опасен*.

«Надо было вальнуть его, когда была возможность... Но сейчас уж ничего не попишешь».

Теперь Константин понимал, что Бес специально им попался. Типа взяли в плен. На самом деле это они, весь лагерь, были в плену у «черного».

«Но я исправлю ситуацию. Сделка с Бесом, она временная, – решил Константин. – Отдам ему то, что он хочет. «Черный» отпустит девочку. А потом сделаю то, что давно надо было сделать».

Константин улыбнулся.

Но улыбка тут же исчезла, как только он услышал шум из лагеря.

– Что происходит? – спросил он Свету, которая бежала навстречу.

– Она... та... короче, она сбежала...

– Кто? Маша?

– Нет, не она. Эта. Которая типа. Дочь твоя.

– И ее тоже проморгала, – вспыхнул Константин.

Бросился к лагерю, Света за ним.

– Где Маша? – на ходу спросил глава лагеря.

– Там, где ты ее оставил, – ответила девушка.

– И ты к ней даже не зашла?! Не проверила?!

– Я?!

Константин сжал кулаки, едва сдерживаясь, чтобы не уда-

ритель «боевую подругу».

«Анна пошла за Машей», – решил мужчина.

И не ошибся.

Телевизор работал.

На удивление.

«Неужели у них тут есть электричество? – подумала я. – А почему тогда в моей палатке была керосинка?»

Но потом увидела, что телевизор вообще не подключен – вилка валяется рядом.

Зато Маша сидит на тряпье и смотрит прямо в зомби-ящик.

Глаза широко открыты.

Зрачки бегают из стороны в сторону, словно она пытается схватывать большие пласты информации на лету.

Я обошла телевизор и увидела, что он не показывает картинку.

Только серо-белая рябь.

Помехи.

– Боже, Маша! – я встала на колени перед дочкой и прижала к себе.

Слезы сами собой потекли из глаз.

– Мы уходим отсюда, девочка моя. Уходим! – прошептала я.

Дочка не отвечала.

По-прежнему смотрела в телевизор.

«Нет, так не пойдет. Что бы ни происходило, но эта штука забирает у меня ребенка».

Я зарычала и врезала ногой по телику. Стоящая посреди палатки «плазма» упала.

Но мне было мало – прыгнула сверху на экран.

Тот покрылся паутиной трещин.

Но продолжал показывать,

– Да, прекрати ты уже! – взревела я.

И начала прыгать по экрану, пока он, наконец, не потух.

А потом подняла глаза на Машу.

Та смотрела на меня даже не с осуждением, нет...

С ненавистью.

«Как же быстро все пошло прахом. Все надежды, что он быстренько уладит ситуацию. Найдёт пособников Сухова. Теперь он и сам оказался по уши в дерьме».

И это дерьмо нельзя было спихнуть на прежнее руководство.

– Гадство! – взревел Каменщиков и ударил по рулю.

Он снова был в командирском броневике.

И пришло время унижаться.

Нужно запросить поддержку.

Попытки справиться самостоятельно провалились. Каменщиков надеялся, что по крайней мере, труп гражданской не станут приписывать к числу его «косяков». Хотя если все пойдет еще хуже, чем есть, то вполне возможно внутренне

расследование. А это уже прямой путь к трибуналу. И к стенке – сейчас особо не церемонились с теми, кто «косячит».

«Да, поддержку нужна. Но другого рода», – вдруг понял капитан.

И искаженное гримасой лицо вдруг разгладилось.

На нем даже появилась едва заметная ухмылка.

«Да-а, и как я об этом раньше-то не подумал?!» – сообразил капитан.

А потом набрал нужный номер.

– Маша, пожалуйста, это же я!

Широко открытые глаза.

Но не дочки, а твари из колодца.

Красные.

А еще в них плавали змеи – желтые и черные. Они извивались, кусали друг друга за хвосты, шипели.

Зрелище было настолько страшным, что я попятилась назад.

Грохнулась на пол.

– Маша-а! – прошептала я.

Девочка не отвечала.

Только смотрела на меня все тем же взглядом.

Пробирающим до костей.

– Маша-а, пожалуйста, вернись! Это же я, твоя мама.. это я... – простонала я.

И заплакала.

Глаза девочки вновь стали прежними.

Дочка огляделась вокруг, будто только увидела, что оказалась в палатке.

– Машенька-а, ты вернулась?! – я протянула руки к девочке.

Но Маша смотрела не на меня.

За спину.

Тяжелая рука легла на плечо.

– Нехорошо себя ведешь, очень плохо! – сказал отец. – Разве приличная дочь станет устраивать такой хаос... пожар вот еще...

– И что теперь, застрелишь меня?! – процедила я.

Уже пожалела, что потеряла по пути бритву. Сейчас бы с радостью полоснула мудака по горлу.

– Нет, – ответил горе-папаша.

Сел рядом со мной.

Прямо на пол.

– Мне кажется, нам стоит поговорить, – сказал отец.

– Поговорить?! О чем?

– Обо всем.

– Для начала ты расскажешь мне, что ты сделал с Машей.

– С Машей?! А что с ней?!

– Ой, только не надо делать вид, что ты не знаешь. Что ты не причем.... Сначала ты нас сюда привозишь силой, потом запикиваешь меня в камеру с зараженным, а потом я застаю дочь в компании с телевизором, которые ее зомбируют...

– Телевизором?! Ты про этот? – отец пнул остатки «плазмы». – Так он же не работает. У нас, конечно, есть электричество. Пока в городе его не отрубили... на удивление. Но эта «плазма», она и раньше была нерабочая. Сломана. Мы пробовали ее подключать – «питание» горит, а экран не работает. Плюнул. Хотел использовать вместо доски. Маркером или мелом чертить.

– «Чертить»?! – до меня едва доходил тот бред, что отец пытался мне втирать.

– Ну да. Схемы продвижения групп, отхода и так далее... Типа классной доски в школе, помнишь ведь их?!

Я закрыла лицо руками – неужели он настолько не прошибаем?!

Даже убивать его расхотелось – дебил, он и есть дебил!

– Где Катя?

– Она... – отец помедлил. – Давай не здесь. Пойдем, прогуляемся.

– Нет, я Машу одну теперь ни за что не оставлю.

– Придется. У нас есть дело, которое придется сделать вместе. Если ты, конечно, хочешь увидеть вну... то есть дочку, живой

Я поднял голову.

– Ты же сказал, что все уладишь. Что, снова обосрался?

Отец проигнорировал последнее замечание.

– Обстоятельства изменились. Нам надо будет подняться на поверхность, сделать кое-что. Вместе.

– Что именно?

– Расскажу по дороге.

– Нет уж, больше я в твои игры не играю.

Я встала и подошла к девочке.

Обняла.

Маша дорожала всем телом.

Но жара не было. Наоборот, девочка была холодной, как лед.

«Как теперь ее оставлю?!»

– Нет. – Ответила я.

– Это в твоих же интересах.

– Это почему еще?

– Только так мы сможем вернуть Катю *живой*, – отец сделал акцент на последнем слове. Специально, чтобы стало понятно: мне придется пойти с ним.

– Да чтоб тебя! – простонала я.

Света наблюдала за разговором отца и дочери со стороны.

Но при этом не могла отделаться от мерзкого ощущения в душе – *будто ее предали*.

«Она просто дочь ему. И все!» – пыталась успокоить себя девушка.

Но вот это «и все» было особенно мерзким. Если их отношения потеплеют, то все ее надежды быть и дальше «правой рукой» хозяина лагеря пойдут прахом.

Эта роль вполне может достаться дочери.

Наверняка достанется дочери.

И все ее ухищрения с оральными «переменками» тут не помогут. Анна вполне может надавить на больные чувства старика. Внучки, похоже, уже задели нужные струны – Костя стал восприимчивее к стрессам.

Стал вести себя как тряпка.

А так раскисать в лагере нельзя!

Народ скоро это почует.

С Кости еще не спрашивали за ту группу, что не вернулась с поверхности. Их убили «черные».

Благо, все убитые были одиночкам. Не семейными. Костя специально, видимо, отбирал народ в рейд с таким расчетом, чтобы никто их не хватился, если что.

Но все равно – люди же пропали!

Рано или поздно начнутся вопросы,

А сейчас – еще трое мертвы. И у Андрея есть подруга. Она еще ничего не знает.

Но это вполне можно исправить!

Света еще раз посмотрела на отца и дочь.

«Зря ты так со мной», – подумал она.

И зашагала внутрь лагеря.

– Ты в курсе, что я хотела тебя убить?

Отец удивленно поднял бровь:

– Ты хотела? И что тебя остановило?

– *Твое безумие*, – ответила я. – Я вижу, что *ты искренне*

веришь в тот бред, который несешь.

– Я в него не только верю, но уверен – и ты встанешь на мою сторону, когда узнаешь всю правду.

– Что еще за правду?

– О том, что происходит на поверхности.

– И что там происходит?

– Этот город, это, по сути, испытательный полигон для тех, кто...

– ...управляет миром, – закончила я за него. – Я знаю. Мы с Сашей уж докопались до сути. Знаю, что «черные» работают на «олимпийцев» – структуру, связанную с Мировым правительством.

– Так и не спросил, а что стало с этим?..

– С кем?

– Ну, с твоим этим Сашей, или как там его?

Я сразу замолчала, вспомнив, как муж пожертвовал собой, чтобы мы с девочками остались живы.

А отец хотел загубить эту жертву.

Сделать ее бесполезной.

– Он погиб, да?! – отец заметил, как изменилось мое лицо. – Прости, я не знал.

– Ты не знал?! Ты же все про нас типа знаешь. Только откуда – хотелось бы понять. Даже имена девочек вон откуда-то взял, хотя и не видел их с самого рождения. Откуда тебе вообще известны их персональные данные?

Скулы отца напряглись.

– Послушай, это долгая история, а мне нужно, чтобы ты пошла со мной. Сейчас! Это срочно!

– Опять ты говоришь, что «это – долго». Но, блин, еще пол часа назад, я бы с удовольствием полоснула тебя бритвой. И посмотрела, как ты медленно подышаешь, захлебываясь в крови. Так что – потрудись-ка объяснить, пожалуйста!

Отец «пережевал» и эту информацию скулами. Молча.

– Да, я бы тебя убила, что смотришь? *Я действительно этого хотела.* А может, и хочу до сих пор.

– Оружие я тебе не дам, – сказал на это отец.

И развернулся, чтобы уйти.

– Куда ты?

– К себе. Надо собраться.

– Но мы еще не договорили...

Отец резко развернулся ко мне.

Взял за плечи и с силой встряхнул.

– Послушай, пока мы тут тарактим *не по делу*, твоя дочь остается в плену. Не думаю, что там ей очень уж комфортно. И мы не сможем помочь ей без этой вылазки, что нам предстоит. Просто не сможем! Так что – собирайся, по дороге расскажу.

– Нет, я никуда не пойду без Маши. Ты забрал у меня одну дочь, вторую я тебе не отдам.

– Я?! Я никого не забирал, это все Бес.

– «Бес»?! Это еще кто такой?

– Старый знакомый, – ответил отец, но развивать тему не

стал.

– Это он ее держит, да?! Дай мне пистолет. Я сама с ним разберусь. Отстрелю мудаку яйца.

– Я же сказал, что не дам оружия. Даже не проси. Ты не понимаешь – наличие пистолета не уберезет тебя от него. Бес знает свое дело. Он – профи. Убийца. Блин, я мог бы весь лагерь сейчас послать против него. Но когда у него оружие и заложник – это все фактически бесполезно. Неужели ты думаешь, что я не думал об этом?! О зачистке тоннеля? Еще раз: *единственный вариант для нас сейчас – это выполнить ультиматум.*

– А дальше что?

– А дальше... я его убью, – бросил отец.

Буднично.

Будто сказал, что пойдет в магазин за хлебом.

– «Убьешь» знакомого?

– Такой вот знакомый, – парировал отец. – Ладно. Все, хватит болтать, пора на выход. У нас не так много времени до того, как все начнется.

– Начнется? Что-то еще может начаться? По-моему и так все хуже некуда.

– *Вторая волна*, – ответил отец.

И пошел к палатке, оставив меня переваривать новую информацию.

Пока было ясно одно: сейчас все плохо, но дальше будет еще хуже.

Когда я зашла в палатку, Маша уже спала.

Присела рядом с ней.

Взяла руку – холодная.

Поцеловала дочку в лобик.

«И как я оставлю сейчас? Как?» – думала я.

Но в то же время, по словам отца, другого способа помочь Кате не было – только подняться наверх.

Опять меня ставили перед выбором, который я делать не хотела.

Тихонько застонала возле дочери.

Та забормотала во сне.

Но не время распускать нюни – я уже решила, что девочка пойдет со мной. Точнее – поедет.

И пусть отец делает с этим, что хочет.

Я не могу оставить здесь Машу. Еще не хватало лишится и второй дочери тоже.

А за Катей мы еще вернемся.

Но сначала принесем то, что нужно это уроду Бесу.

А потом я помогу отцу открутить киднепперу яйца за то, что он сделал с дочкой.

Я размотала длинную простыню, сложила ее в длинную полосу, а потом примотала к себе спящую девочку. Получилось, что она висит на мне, как будто в слинге.

Так, как я носила ее раньше в поликлинику.

Так, когда она была еще новорожденной малышкой.

Когда она еще была полностью моей.

И вышла из палатки.

– Зря ты ее взяла с собой, – сказал отец. – Но смотри: я тебя предупреждал.

– Плевала я на твои предупреждения, – ответила я. – Это моя дочь. И мне лучше знать, что делать.

Отец вздохнул, будто разговаривал с неразумным ребенком.

– Стой, – сказал он.

Пришло время снять мешок с головы – мы поднялись на поверхность.

Отец возился полминуты.

И первое, что бросилось в глаза, когда я открыла глаза, это вышка сотовой связи в лучах заходящего солнца.

Она вибрировала.

Гудела на высоких частотах.

Отец, похоже, тоже это заметил – напрягся.

– Боже мой, – выдохнула я.

– Что?

– Эти птицы.. они....

Я даже не знала, как сформулировать на словах то, что видела. Картина была жуткой: несколько голубей подлетали к антеннам сотовой связи и по очереди бились о них головами.

Как камикадзе.

Бум, бум, бум...

Одна из птиц, похоже, свернула себе шею.

Шмякнулась на асфальт.

Но на ее место тут же прилетела другая, и тоже начала таранить вышку.

– Что они делают? – спросила я отца.

Тот поправил шляпу.

– Природа чувствует угрозу – и пытается устранить ее своими силами.

Отец вытащил револьвер:

– Я же говорил, что это скоро начнется. *Вторая волна*. Так что добро пожаловать в ад!

Глава 6. К центру

– И что это значит, эта твоя вторая волна? – спросила я, когда мы отошли уже на приличное расстояние от вышки.

Я все еще оглядывалась, глядя как голуби пытаются причинить ущерб высоким технологиям.

– Что значит? – переспросил отец. Он выглянул из-за угла, высматривая, нет ли кого на дороге. – Ты никогда не задумывалась, для чего все эти технологии существуют?

– Ты про вышки?

Мы вышли из-за угла и двинулись по улице, которую я не могла опознать. Никогда здесь раньше не была.

– Ну да, если в целом. Когда сотовая связь еще только начинала работать (ты, наверное, помнишь это время), тогда в городе было всего четыре вышки. И связь работала, но с перебоями. То есть где-то в низинах и на окраинах пропадала.

Но потом поставили еще четыре вышки – и все стало прекрасно. Связь была идеальная, везде все «ловит». А сейчас вышек по городу полторы тысячи, и стоят они через каждые сто пятьдесят-двести метров....

– На что ты намекаешь?

– На что намекаю?! Да тут все просто. Вот было 4G – скорости интернета хватало на все: фильмы качать, в игры играть... Я уж не говорю про обычные почты-сайты – все летает! Но приходит время – и ставят оборудование для 5G. Скорость у него в разы выше. Можно за пару секунд скачать фильм в качестве таком, ну, например, как в кинотеатре. Зачем, как думаешь?

– Зачем?! Не знаю зачем, – я слушала отца вполуха, разглядывая тени по углам зданий – вдруг там зараженные?

– А затем, что такая скорость просто не нужна обычному человеку. Ему ее и так хватало за глаза. Он еще не весь порог 4G использовал, там еще ресурсов куча, а ему подсовывают уже 5G, где скорости просто запредельные.

– И что? Интернет будет лучше работать?

– Да, *лучше, чем надо*. Но для чего?!

– И для чего же?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.